

ЧТО ТАКОЕ ЛИЦЕЯ?

Карета покачивалась на высоких рессорах, как корабль на волнах. В её окнах мелькал освежённый мелким дождичком столичный город Санкт-Петербург: блистающие проспекты, горбатые мосты, белые колонны, жёлтые фасады, листва, подёрнутая первой ржавчиной осени. Мелькали верховые офицеры в лакированных киверах, пешие чиновники в зелёных мундирах, дамы в шляпках, похожих на колокола. Мелькали полосатые будки, крупы лошадей, золотые буквы кондитерских и много интересного, чего и заметить не успеешь, потому что карета ехала быстро, передний ездový¹ покрикивал, а встречные извозчики сдерживали лошадей, почтительно уступая дорогу карете адмирала Пущина.

Сам адмирал возвышался на главном сиденье, опираясь на трость. На нём были белый парик с косичкой, огромная треугольная шляпа и синий плащ, застёгнутый маленькой серебряной головой льва.

Рядом с ним сидел дядя Рябинин, человек до того тихий, тощий и скучный, что о нём и говорить не хочется.

¹ *Ездový* — солдат, правящий лошадьми, запряжёнными в повозку или артиллерийское орудие.

Адмирал молчал. Молчали и дети — Петя и Ваня. Петей и Ваней их называл только дедушка-адмирал. В семье их звали по-французски: Пьер и Жанно.

Они были двоюродные братья. Рябинин был дядей Жанно. Дедушка вёз детей к министру «представляться». А представляться министру нужно было затем, чтоб их допустили к экзамену и приняли бы в Лицею.

Что такое Лицея? Этого никто не знал.

Первой о Лицее прослышала мать. Она доподлинно узнала, что Лицея — это новое, особенное учебное заведение для детей из самых знатных семейств, где учить будут лучшие профессора и где, по слухам, будут воспитываться великие князья, младшие братья самого государя императора... И Лицея будет находиться в Царском Селе, рядом с дворцом... нет, почти в самом дворце! Каково?

Правда, у этой Лицеи один лишь недостаток: учить будут не по-французски, а по-русски.

— Ну и что ж, — сказал отец Жанно, генерал-интендант¹ флота Иван Петрович Пущин, — мы, чай, ма шер², не французы! Довольно отдавать детей в руки французских шалопаев да иезуитов. Кеске ву дит³?

— Но, мон шер⁴, а вдруг не примут? Ведь это будет ридикюль⁵! Срам!

¹ *Генерал-интендант* — управляющий хозяйственной частью в армии.

² *Моя дорогая (фр.)*.

³ *Что скажете? (фр.)*.

⁴ *Мой дорогой (фр.)*.

⁵ *Нелепость (фр.)*.

Иван Петрович подумал и отправился к дедушке-адмиралу.

— Как? — переспросил дедушка, приложив руку к уху. — Ли-це-я? Это что же такое?

— Особенное заведение, — отвечал Иван Петрович, — коего основателем желает быть сам государь.

— А чему учить-то будут?

— Будут готовить юношей для важных частей службы государственной.

— Службы? — задумчиво повторил дедушка.

Дедушка Пётр Иванович считал, что всякие там сухопутные заведения для мальчиков — блажь. Мальчики из рода Пуциных должны расти на кораблях, ибо род Пуциных есть род моряков.

Но Иван Петрович очень хорошо знал, чем убедить Петра Ивановича. Поэтому он и ввернул слово «служба».

— Служба, — ещё раз сказал адмирал, — оно-то и верно. Надобно служить отечеству, а не чувствительные стишки в альбомы писать. А долгое ли учение?

— Шесть лет, батюшка. Прошу заметить — в записке министра его величеству задан вопрос: «Будет ли Лицея равняться с университетами или занимать среднее место между ними и гимназиями?» Царский ответ был: «С университетами...»

— Это для мальчишек-то десяти годов? — усомнился адмирал.

— Да ведь курс — шесть лет. А далее служба без промедления...

— Служба, — повторил адмирал, — да, служить надобно с молодых лет. А как не возьмут Ваню с Петей? Что тогда?

— Надеюсь, батюшка, что вы не откажете замолвить слово министру...

Адмирал сделал кислое лицо.

— Разумовскому? Не имею чести знать его.

— Да он вас знает!

Адмирал вздохнул.

— Надо полагать, знать должен, — сказал он сердито, — добро, отвезу внуков.

И вот карета Пушиных минует последний мост, сворачивает на набережную и останавливается у колоннады огромного дома министра просвещения. Выездной слуга опускает ступеньку, и адмирал тяжело ступает из кареты, опираясь на руку слуги. Петя и Ваня прыгают на мостовую, минуя ступеньку. Дядя Рябинин сходит последним.

Широкая лестница, статуи, вазы, колонны, ковры. Приёмный зал пуст. Чиновник в синем сюртуке кланяется и покорнейше просит подождать: его сиятельство заняты туалетом.

Мальчики немножко оробели. Вот оно, место, где начинаются строгое учение и государственная служба.

Жанно с тоской смотрел на пышный зал, холодный, несмотря на августовское тепло. Теперь он будет уже не Жанно, а Пушин Иван, воспитанник таинственной Лицеи, где профессора будут читать курсы наук, где вставать надо по звонку и к завтраку являться в мундире, застёгнутом на все пуговицы. А кто урока не выучит, того, наверно, будут бить линейкой по пальцам.

Жанно никогда не били. Самым большим наказанием в доме Пушиных было лишение пирожного к обеду или запрещение идти гулять и играть с дворовыми

ребятами в свайку¹. Отец Иван Петрович воспитанием детей не занимался. Мать у Жанно была добрая, а гувернёр-француз был постоянно занят своими делами.

Значит, теперь больше не будет родительского дома? И утреннее солнце не будет прорываться в детскую сквозь тяжёлые шторы, и птицы не будут петь в саду, и мыло не будет играть радужными пузырями в фарфоровом тазу, и кофейник не будет сиять на столе металлическим блеском, и мать не будет целовать его в лоб и приговаривать по-французски: «Бонжур, Жанно, как вы спали?»

Хотите знать, о чём больше всего тосковал Жанно? О том, что дома каждое утро знаешь, что впереди ещё целый день свободы.

Чинно гуляя с гувернёром по Летнему саду, возле очень стройной каменной вазы, думаешь, что впереди ещё много пригожих и весёлых дней, и даже зимой в большом тёплом доме Пуциных всегда бывает веселье, и воля, и игры, и книги, и нечаянные детские радости.

Он хотел было сказать об этом кузену Пьеру, но Пьер был мальчик надутый и пустоголовый. Его больше всего интересовали в этом холодном зале картины и статуи, и он важно рассматривал их по очереди. Ему было всё равно.

Зал постепенно наполнялся. Появлялись мальчишки лет одиннадцати-двенадцати, в курточках и панталончиках. При них были родственники и гувернёры.

¹ *Свайка* — русская народная игра, заключающаяся в попадании заострённым металлическим стержнем (свайкой) в кольца, лежащие на земле.

Родственники были похожи друг на друга, хотя одеты были по-разному. Мальчики были вовсе друг на друга не похожи, хотя одеты почти одинаково. Жанно сразу обратил внимание на очень высокого, костлявого мальчика с длинным носом и глазами навыкате, который ходил по залу с пожилым женщиной. Мальчик странно дёргался на ходу и, даже стоя на месте, изгибался всем телом и подставлял своему родственнику правое ухо, словно был глуховат. Лицо у него было взволнованное.

Он и в самом деле был глуховат. Потом Жанно узнал, что этого мальчика зовут Вильгельм Кюхельбекер. Он недавно болел золотухой и оглох на левое ухо. Но почему он извивается, как угорь, Жанно не мог понять.

Пьер вдруг прыснул и прикрыл рот рукой. Стоявший напротив него чёрный непоседливый мальчишка вдруг прошёлся возле своего гувернёра, точно изображая извивающегося угрём Кюхельбекера. Сам Кюхельбекер этого не заметил, но кругом все заулыбались, а гувернёр отчаянно зашипел:

— Послушайте, Мишель, это невыносимо! Вы здесь не дома!

К адмиралу подошёл и радостно его приветствовал щегольской господин в чёрном фраке. Из-под его подбородка вырывались потоком накрахмаленные кружева, завитая бараном голова склонилась набок, пальцы были в кольцах. От него сильно пахло духами.

— О! Василий Львович! — произнёс адмирал с деланным оживлением. — Рад, рад! А вы-то кого привезли?

— Племянника, — отвечал господин с кружевами. — Ах, Саша, подойди же! Дикарь! Ну совершеннейший дикарь! Позвольте вам представить... Александр Пушкин, Сергея Львовича сын.

Курчавый, толстогубый мальчик шаркнул сапожком, неловко поклонился и отвёл глаза в сторону.

Адмирал глянул на него и улыбнулся.

— Рассеян, — сердито сказал Василий Львович по-французски, — рассеян, как старая дева... Впрочем, в искусстве поэтическом мой ученик... Но... увы... бездельничает...

— Что ж, возьмут в службу, там отделают, — молвил адмирал, — а тут и мои Иван да Пётр. Познакомьтесь, молодцы, без церемоний.

Жанно и младший Пушкин посмотрели друг на друга исподлобья. И вдруг Пушкин широко улыбнулся, показав отличные белые зубы, и крепко потрянул руку Жанно на английский манер.

— Пуцин да Пушкин, — сказал он, — наверно, и комнаты наши рядом будут.

— Комнаты? — переспросил адмирал. — Разве каждому мальчишке своя комната?

— Ах, дорогой Пётр Иванович, ведь это просвещённое заведение! — быстро заговорил Пушкин-старший. — Нынче ведь не то, что когда-то было. Предположим, кому-либо из воспитанников захочется сочинить послание или сонет — нельзя же при всех! Я ещё понимаю — эпиграмма...

Адмирал посмотрел на него прищурившись.

— Разве сия Лицея есть школа стихотворцев? — спросил он.

— Гм... «Лицея»... — призадумался Василий Львович. — Пожалуй, вернее было бы «Лицей». Впрочем, там видно будет...

— А я слышал, что заведение сие для важных частей службы государственной, — продолжал адмирал.

Василий Львович заскучал, закивал головой и сразу потерял интерес к разговору.

— А бить будут? — спросил Жанно, шёпотом обращаясь к Александру.

— Бить? Ну нет, мой друг, мы этого не допустим! — небрежно отвечал Александр.

Министр не спешил с приёмом. Зал гудел как пчелиный улей. И вдруг адмирал решительно застучал тростью.

— Послушайте, любезнейший, что же его сиятельство? — грянул он на весь зал дежурному чиновнику.

— Его сиятельство кончают свой туалет¹...

— Мне, андреевскому кавалеру, ждать не приходится, — гремел адмирал, — нужен мне граф Алексей Кириллович, а не туалет его.

Чиновник метнулся во внутренние покои, и через несколько минут адмирал был принят министром. Вышел Пётр Иванович от министра нахмуренный и отозвал в сторону дядю Рябинина.

— Задал мне задачу его сиятельство, — сказал он тихо. — Двоих из одной семьи принимать не будут. Стало быть, надобно решить, кто из Пуциных пойдёт — Пётр или Иван. Я просил сроку неделю.

¹ *Туалет* (здесь) — приведение в порядок своего внешнего вида; внешний вид, убранство.

А сейчас поеду домой и вас оставлю с ребятишками. Я тут полдня в креслах просидел, в мои годы хватит!

И адмирал решительно двинулся к выходу, постукивая тростью по полу.

Сразу же после его ухода появился чиновник в синем мундире и начал вызывать по бумаге:

— Князь Горчаков, Александр!

Хорошенький мальчик прошёл по залу отчётливой, свободной походкой и исчез за дверью.

За этой дверью держали недолго. Через несколько минут вызвали «барона Дельвига, Антона». Пухлый и белый, как булка, барон двинулся к министру с таким невозмутимым видом, словно у себя дома шёл к столу.

— Кюхельбекер, Вильгельм!

Длинный Кюхельбекер устремился вперёд, подпрыгивая и дёргая рукой. Жанно и Пушкин обменялись насмешливыми взглядами.

— Вы говорите — «бить», — сказал вдруг Пушкин, — а мне доподлинно известно, что в Лицее телесные наказания воспрещаются. Это ведь не...

— Пуцин, Иван!

В кабинете министра стоял большой стол, покрытый скатертью с золотой бахромой. За столом сидело несколько человек. Жанно едва не ослеп от блеска звёзд и золотых вышивок на их мундирах. В середине возвышался сам министр — завитой, напомаженный мужчина с красной лентой через плечо. Вопросы задавал директор Лицея Василий Фёдорович Малиновский. Экзамен был пустяковый — сначала велели прочитать басню Крылова, потом спросили, как понимает Пуцин Иван цель образования лицейского.

Жанно вспомнил дедушку и отвечал твёрдо:

— Лицей образован, дабы учить воспитанников верно служить отечеству.

Малиновский кивнул головой. Министр сказал с досадой:

— Следует говорить «престолу и отечеству». А впрочем, сего довольно...

Когда Жанно вернулся в зал, вызывали Яковлева Михаила. Чернявый мальчишка, который раньше изображал Кюхельбекера, побежал к дверям вприпрыжку и по дороге скорчил такую гримасу, что в зале раздался сдержанный смех, а чиновник посмотрел на Яковлева с негодованием.

Жанно искал Пушкина, но Пушкин куда-то исчез вместе со своим щеголеватым дядюшкой. Пьер подошёл через несколько минут и сообщил, что его спрашивали из арифметики. Дядя Рябинин сказал, что пора домой, и они поехали.

* * *

Теперь Жанно и сам не знал, хочется ему в Лицей или нет. Иногда у него щемило в сердце, когда он думал, что на шесть лет уйдёт из родительского дома в холодные залы царскосельского дворца (это бывало чаще всего, когда он отходил ко сну). А на другой день, когда ему вспоминались Пушкин, Кюхельбекер, Яковлев, Дельви́г и стая мальчиков, гомонящих в большом зале, ему хотелось отправиться туда, к ним, как неутомимому путешественнику хочется поскорей вступить на корабль, чтобы плыть в неведомые земли. Жанно любил всё новое.

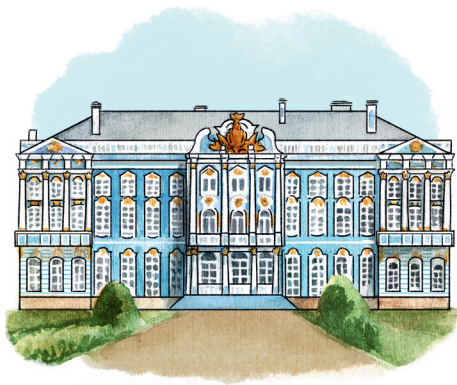
Дедушка думал недолго. На третий день он позвал к себе Жанно вместе с гувернёром. Он внимательно посмотрел на румяного, русого, неторопливого внука и, покачав головой, сказал:

— Ты пойдёшь в Лицею, Иван. Тебя отвезут в Царское Село, когда будет приказано.

Дед положил руку на голову Жанно и добавил:

— Не предавайся чувствам, но исполняй долг свой, сообразуясь с разумом. Ступай!

ЦАРСКОЕ СЕЛО

В Царском Селе всё напоминало о долге перед отечеством, но также и о долге перед престолом.

Густые парки стояли в золоте. Ветер нёс охапки жёлтых листьев и устилал ими длинные, прямые аллеи. На большом пруду ветер чувствовался сильнее. Он рябил воду. Посреди пруда возвышалась мраморная колонна, украшенная бронзовыми носами кораблей. На верхушке чёрный орёл летел, широко распластав крылья.

— «В память морских побед, одержанных в Архипелаге», — прочёл Жанно, стоя на корме лодки.

— Называется Ростральная колонна, — объяснил Панька, сидевший на вёслах, — в память победы над турецким флотом в ихней гавани Чесма. Тут и картина есть.

Панька был сыном дворцового садовника. И хотя ему было одиннадцать лет, но всё Царское Село и соседний городок Софию он знал наизусть: зачем какая колонна поставлена, и что статуи обозначают, и где кто живёт.

Он налёг на вёсла и подвёз Жанно поближе к картине. На бронзовой доске выпукло было представлено

сожжение неприятельского флота при Чесме: корабли с падающими мачтами, пламя в виде завитушек, бомбы, летящие над флотом, и взволнованная вода.

— Это при покойной царице было, — добавил Панька, — а сейчас извольте, ваше благородие, выйти на берег и осмотреть Малую Ростральную колонну.

Малая Ростральная колонна стояла на северной стороне пруда.

— Называется Морейская, — объяснил Панька, — поставлена в честь его сиятельства графа Орлова. За военные заслуги.

Жанно привезли в Царское Село одним из первых. Не все лицейские ещё собрались. Дядя Рябинин сдал Жанно на руки директору Малиновскому. Директор

Для общей пользы

жил в отдельном домике с высеченным на нём гербом Лицея. Там были изображены сова, лира, свиток и два венка — дубовый и лавровый. Внизу было написано: «Для общей пользы».

Директор сказал, что сова обозначает мудрость, лира — словесность, свиток — науки, а венки — награды достойным воспитанникам.

У директора было темноватое длинное лицо и рассеянный взгляд. Он посмотрел на Жанно задумчиво и положил ему руку на голову.

— Ведите себя в Лицее, как подобает потомку Пушциных, — назидательно произнёс по-французски дядя Рябинин.

— Отроки сии для нас — как книга с чистыми страницами, — проговорил директор по-русски, не глядя на Рябинина, — а цель наша — научить их быть полезными гражданами. Такова запись на первой странице сей книги.

— Гражданами? — беспокойно переспросил дядя.

Слово «гражданин» считалось подозрительным.

— Да, милостивый государь! Служить благу общему есть обязанность гражданская!

Услышав слово «служить», Рябинин успокоился и даже вытащил из кармана табакерку и платок. Его обязанностью было отдать племянника в руки наставников, и он свою обязанность выполнил.

С Жанно сняли мерки для обмундирования и обуви. Снимали долго и тщательно. Придворные портные и сапожники совещались и записывали столбцы цифр в толстые книги.

— Попрощайтесь с вашим почтенным дядюшкой, — сказал директор, — и не расстраивайтесь. Вы, я вижу, юноша здравомыслящий. Будущее ваше принадлежит отечеству.

Директор обратился к высокому человеку, который молча стоял в тени. Жанно поначалу вовсе этого человека не заметил и посмотрел на него с удивлением. Глаза у этого человека были полузакрыты, а поверх галстука висел крест.

— Мартын Степанович, — сказал директор, — поручаю вам ещё одну юную душу: Пуцин Иван. — Директор повернулся к Жанно. — Это наш инспектор, господин Пилецкий-Урбанович, — пояснил он, — будьте с ним откровенны, слушайте его. Он всегда возле вас будет.